
ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО, ПРИРОДОРЕСУРСНОЕ ПРАВО И АГРАРНОЕ ПРАВО

ENVIRONMENTAL LAW, NATURAL RESOURCES LAW AND AGRARIAN LAW

УДК 349.6

СОВРЕМЕННЫЙ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ И РЕШЕНИЕ ПРИКЛАДНЫХ ЗАДАЧ

Т. И. МАКАРОВА¹⁾, А. А. ЖЛОБА¹⁾, В. Е. ЛИЗГАРО¹⁾, О. В. МОРОЗ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Исследуются концептуальные основы современного экологического правопорядка и его организационное обеспечение. Доказывается, что фундамент экологического правопорядка составляет соотношение императивности и диспозитивности в регулировании природоохранных отношений. Обосновывается включение в систему экологического правопорядка режима национальной экологической сети, правовой охраны окружающей среды и охраны природных ресурсов на основе концепта «экологическое сопровождение хозяйственной деятельности», ответственности при невыполнении эколого-правовых требований. Формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования экологических отношений.

Ключевые слова: экологическое право; экологический правопорядок; окружающая среда; национальная экологическая сеть; экологическое сопровождение хозяйственной деятельности; вред, причиненный окружающей среде.

Образец цитирования:

Макарова ТИ, Жлоба АА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. Современный экологический правопорядок: теоретический фундамент и решение прикладных задач. *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* 2025; 2:52–59.
EDN: IGULBG

For citation:

Makarova TI, Zhloba AA, Lizgaro VE, Moroz OV. Modern environmental legal order: theoretical foundation and applied problems solving. *Journal of the Belarusian State University. Law.* 2025;2:52–59. Russian.
EDN: IGULBG

Сведения об авторах см. на с. 59.

Information about the authors see p. 59.

MODERN ENVIRONMENTAL LEGAL ORDER: THEORETICAL FOUNDATION AND APPLIED PROBLEMS SOLVING

T. I. MAKAROVA^a, A. A. ZHLOBA^a, V. E. LIZGAROV^a, O. V. MOROZ^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: V. E. Lizgarov (lizgarov@mail.ru)

Abstract. The conceptual foundations of the modern environmental legal order and its organisational support are studied. It is proved that the foundation of the environmental legal order is the ratio of imperativeness and optionality. It is proposed to include in the system of environmental legal order the regime of the national ecological network, the unification of legal protection of the environment and protection of natural resources around the concept «environmental support of economic activity», imposition of liability for failure to comply environmental and legal regulations. Proposals for improving the legal regulation of environmental relations are formulated.

Keywords: environmental law; environmental legal order; environment; national ecological network; environmental support for economic activities; damage to the environment.

Введение

Решением Республиканского референдума от 27 февраля 2022 г. в Конституцию Республики Беларусь внесены дополнения, затрагивающие содержание фундаментальной эколого-правовой категории «право каждого на благоприятную окружающую среду», дополнительной гарантией которого признается развитие атомной энергетики в мирных целях (ч. 3 ст. 46). Поддержание экологической безопасности определено в качестве самостоятельного направления

в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Решением Всебелорусского народного собрания от 25 апреля 2024 г. № 5. В свете уточненного подхода законодателя к решению экологических проблем общества актуальным видится теоретический взгляд на охрану окружающей среды и обеспечение экологической устойчивости с позиции анализа категории «экологический правопорядок» в ее современном содержательном наполнении.

Теоретический фундамент категории «экологический правопорядок»

Согласно сложившимся в теории права представлениям правопорядок – это такое состояние юридического оформления социальных связей, при котором объективно нуждающиеся в правовом установлении общественные отношения нормативно закреплены [1]. Формальное установление является обязательным условием возникновения правопорядка. Кроме того, необходимо оценивать эффективность применения установленных правовых норм посредством анализа соблюдения законодательства. Итогом такой качественной оценки будет определение соответствия права запросам общества с позиций справедливости, целесообразности, соответствия духовным, экономическим, экологическим потребностям социума.

Правопорядок характеризует уровень законности в государстве, соблюдение государственными органами, иными субъектами права возложенных обязанностей. В экологических отношениях в этом контексте используется понятие «экологический императив» – подлежащее обязательному исполнению эколого-правовое предписание, выражающее объективно обусловленное принуждение поступать установленным в нормативном правовом (техническом нормативном правовом) акте образом. Экологический императив выражает безусловное должностное, и в этом смысле он представляет

собой предписанный способ поведения при осуществлении деятельности, оказывающей воздействие на окружающую среду [2–4], что на практике реализуется посредством ряда мер (мероприятий), которые логично группируются в правовые механизмы охраны окружающей среды [5]. Экологический императив реализуется прежде всего через организационную деятельность специально уполномоченных органов государственного управления посредством выполнения возложенных на них управленческих функций, таких, например, как ведение учета в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов, проведение мониторинга окружающей среды, осуществление контрольно-надзорной деятельности в сфере экологических отношений, т. е. обязательной управленческой деятельности, из содержания которой возможно сделать вывод о соблюдении режима законности в экологических отношениях и наличии экологического правопорядка.

В юридической науке советского периода признавался исключительно публичный характер охраны природы [6]. Однако политико-правовые и социально-экономические трансформации конца 1980–2000-х гг. принципиально изменили правовую природу режима использования и охраны природных объектов, а впоследствии и иных отношений, объектом которых

выступает окружающая среда. В этот период ученые, демонстрировавшие, как тогда казалось, оптимистичный взгляд на правовое регулирование отношений, предметом которых является окружающая среда, предполагали, что в перспективе экологические отношения приобретут преимущественно гражданско-правовой характер, поскольку они, согласно мысли В. В. Петрова, «вытекают из гражданских отношений» [7, с. 97]. Такая научная позиция не подтвердилась нормотворчеством и практикой правоприменения. Она не могла подтвердиться уже в силу того, что окружающая среда – общественное благо, которое удовлетворяет потребности человека на физическое существование, что провозглашено ст. 46 Конституции Республики Беларусь. Однако, соглашаясь с тем, что в экологических отношениях содержательно превалирует обеспечение правопорядка посредством деятельности императивного характера, мы видим возможности, которые в дополнение к сложившимся административным формам охраны природы формируют частноправовое регулирование. Развитие права пошло по пути наделяния субъектов экологических отношений, в первую очередь тех, чья деятельность связана с воздействием на окружающую среду, определенного рода свободой, позволяющей усилить природоохранную составляющую такой деятельности. Речь идет о диспозитивных началах в экологических правоотношениях, что следует признать самостоятельным направлением обеспечения экологического правопорядка.

Диспозитивность как метод правового регулирования, присущий частному праву, формирует условия выбора варианта поведения в рамках, предложенных законодательством, создает условия для свободного формирования своей воли, а значит, самостоятельного распоряжения своими правами и средствами их защиты [8]. Для экологических отношений это обстоятельство означает не только свободу выбора природоохранных инструментов, которые не являются обязательными для применения согласно законодательству об охране окружающей среды, но и отказ государства от обязывающего поведения субъектов экологических отношений, если мера природоохранной деятельности законодательством признается как дополнительная. С этой точки зрения экологическое законодательство располагает целым

рядом такого рода дополнительных инструментов, наличие которых позволяет вести речь об особых диспозитивных началах эколого-правового регулирования и, соответственно, о трансформации экологического правопорядка в направлении расширения свободы воли субъекта. К таким правовым инструментам, установленным законодательством, безусловно, относятся экологическое страхование, экологическая сертификация, экологический аудит.

Итак, состояние правового обеспечения экологических отношений убеждает нас в том, что именно соотношение императивности и диспозитивности в правовом регулировании составляет основу системы современного экологического правопорядка. А какова качественная сторона исследуемой правовой категории, каковы критерии (признаки) экологического правопорядка? Ранее, отвечая на этот вопрос, мы выявили следующую специфическую особенность, присущую, пожалуй, только экологическому праву: эта отрасль современной правовой системы имеет моноцелевой характер, поскольку все выполняемые ею задачи (охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности, установление рационального (устойчивого) природопользования) направлены на создание благоприятных для жизни и здоровья человека как биологического вида и социального индивида условий, интерпретируемых юридической наукой в качестве обеспечения права человека на благоприятную окружающую среду [9, с. 40–41].

Мы подходим к правовому механизму охраны окружающей среды – одной из ключевых категорий экологического права, позволяющей привести в систему характер и способы воздействия права на общественные отношения для формирования экологического правопорядка. Система экологического правопорядка базируется на признании самостоятельности правового режима природных территорий, подлежащих особой и специальной охране в рамках национальной экологической сети, объединении правовой охраны окружающей среды и охраны компонентов природной среды в процессе хозяйственной и иной деятельности вокруг концепта «экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности», возложении ответственности при невыполнении обязательных к исполнению эколого-правовых предписаний.

Правовое обеспечение территориальной охраны природной среды

В сложившейся социально-экономической и экологической ситуации, которая характеризуется необходимостью как эксплуатации природных ресурсов, так и целостной охраны природы для обеспечения условий жизни и развития настоящего и будущих поколений, важным направлением обеспечения экологического правопорядка является территориальная охрана природной среды, доказавшая за более чем столетнюю историю эффективность в решении своей главной задачи по сохранению

биологического разнообразия. Элементарной единицей такой территориальной охраны следует считать конкретную природную территорию, в отношении которой установлен соответствующий природоохранный правовой режим. В действующем законодательстве отсутствует единый термин для обозначения таких территорий, в отличие от отечественной эколого-правовой науки, в которой предлагается использовать понятие «природоохранная территория» [10, с. 99; 11, с. 487].

Традиционно правовой формой территориальной охраны природной среды выступает создание особо охраняемых природных территорий, природных территорий, подлежащих специальной охране, биосферных резерватов как комплексных природоохранных территорий, что позволяет сочетать исходные правовые формы в различных комбинациях. Следует отметить, что в ряде случаев природные территории включаются в списки (перечни) ценных природных комплексов и объектов международного значения в соответствии с международными договорами Республики Беларусь, однако не получают национальный природоохранный правовой режим. Очевидно, что они являются частью работы по сохранению биоразнообразия и, следовательно, также должны считаться объектами территориально-правовой охраны природной среды [12, с. 38].

В 2010 г. в законодательстве Республики Беларусь появился новый самостоятельный объект эколого-правовых отношений – национальная экологическая сеть (НЭС), представляющая собой систему функционально взаимосвязанных особо охраняемых природных территорий и природных территорий, подлежащих специальной охране, которые предназначены для сохранения естественных экологических систем, биологического и ландшафтного разнообразия, а также обеспечения непрерывности среды обитания объектов животного мира. НЭС позволяет преобразовать набор разрозненных природоохранных территорий в систему устойчиво функционирующих и взаимосвязанных объектов, обеспечивающих каркас экологической устойчивости в регионе. Основными структурными элементами НЭС служат природоохранные территории, защищаемые от внешних воздействий охранными зонами, объединяемые транзитными природными территориями. Следовательно, НЭС, являясь комплексным объектом, должна максимально разумно с учетом системного подхода охватывать природоохранные территории всех возможных правовых форм территориальной охраны природной среды, а не только природные территории, подлежащие особой и специальной охране. Кроме того, она должна быть элементной основой для иных экологических сетей, таких как сеть водно-болотных угодий, изумрудная сеть, сеть биосферных резерватов, сеть объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО. В этом смысле целесообразно создавать новые объекты иных экосетей с перспективой последующего их включения в НЭС [13, с. 41].

Правовой режим НЭС как самостоятельного эколого-правового объекта определен в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII «Об охране окружающей среды» (далее – Закон «Об охране окружающей среды») путем ее признания в качестве объекта отношений в сфере охраны окружающей среды. Также в данном нормативном правовом акте дается дефиниция НЭС и определяется ее структура. В развитие этих норм разработаны требования к содержанию схемы НЭС и критерии выбора территорий для включения в нее (Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 26 ноября 2010 г. № 1733), а также сама схема НЭС, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 13 марта 2018 г. № 108.

Анализ указанных нормативных правовых актов позволяет прийти к выводу о том, что установленный правовой режим НЭС как самостоятельного объекта экологических правоотношений является необоснованно ограниченным и требует научно аргументированного дополнения такими группами его элементов, как организационно-правовое обеспечение создания и функционирования НЭС [14], институциональная система управления ей [15], правовые механизмы охраны [16], юридическая ответственность в обозначенной сфере [17]. Также следует признать НЭС отдельным объектом учета, мониторинга и контроля в сфере охраны окружающей среды и установить правила их ведения; закрепить в экологических требованиях к хозяйственной и иной деятельности положение о необходимости учета влияния этой деятельности на НЭС; дополнить законодательство об оценке воздействия на окружающую среду, стратегической экологической оценке и государственной экологической экспертизе нормами об осуществлении данных процедур в отношении планируемой деятельности, реализация которой способна причинить вред комплексам и объектам, включенным в НЭС; предусмотреть нормативы допустимой антропогенной нагрузки на такие комплексы и объекты, расположенные в границах отдельных природоохранных территорий, входящих в НЭС; определить меры повышенной юридической ответственности за нарушение ее правового режима, а также ранжировать размер ответственности в зависимости от вклада соответствующего ее элемента в сохранение биологического и ландшафтного разнообразия, определяемого структурными отношениями внутри национальной экологической сети [17, с. 655].

Экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности

Современный экологический правопорядок подразумевает новые подходы к охране окружающей среды, а также совершенствование уже существующих. В данном контексте представляет интерес экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности (далее – ЭСХД). Оно основывается на

концепции непрерывного учета экологического фактора от замысла хозяйственной и иной деятельности до ее прекращения и предполагает оптимальный подход как к охвату природоохранными мерами (мероприятиями) той или иной хозяйственной деятельности, так и к их распределению по стадиям

такого сопровождения. Правовое закрепление ЭСХД как механизма, корректирующего хозяйственную и иную деятельность с позиции воздействия на окружающую среду и соблюдения экологических требований, является одним из условий надлежащего экологического правопорядка.

В природоохранной деятельности участвуют государство в лице его органов, общественные объединения, физические и юридические лица. Рассмотрение природоохранных мер (мероприятий) с позиции непрерывного учета экологического фактора позволяет установить роль каждого из них на разных стадиях ЭСХД. Его субъекты, с одной стороны, могут иметь отличные интересы, а с другой – должны сотрудничать, подчиняться общему интересу по обеспечению права каждого на благоприятную окружающую среду. В случае правового закрепления понятия ЭСХД данный факт следует учитывать при формировании правовых основ такого сопровождения.

Современный экологический правопорядок предполагает сбалансированное сочетание интересов различных субъектов экологических отношений и характеризуется расширением правовых возможностей участия общественности в природоохранной деятельности, так как он основывается на концепции устойчивого развития. Как видится, участие общественности в ЭСХД способно стать эффективным в том случае, если оно имеет непрерывный характер и результаты такого участия будут учтены.

В качестве правовых форм участия общественности в ЭСХД, которые регламентируются в законодательстве Республики Беларусь об охране окружающей среды, можно рассматривать общественные обсуждения в области охраны окружающей среды, проводимые на стадии разработки проектных решений планируемой хозяйственной и иной деятельности, общественную экологическую экспертизу (ОЭЭ), осуществляемую на этапе согласования таких решений, деятельность общественных экологов и общественных инспекторов охраны животного и растительного мира (далее – общественные инспекторы), которые работают на стадии непосредственного осуществления хозяйственной и иной деятельности (реализации экологически значимых решений) [18, с. 70–71].

В национальном законодательстве отсутствует четкое указание на характер (обязательный или рекомендательный) результатов общественных обсуждений. Это обстоятельство обусловлено в том числе и тем, что одной из задач таких обсуждений является поиск взаимоприемлемых для участников решений. Вопрос, скорее, заключается в том, насколько учитываются их результаты заинтересованными лицами. В зависимости от правовой формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды происходит правовая интерпретация учета их результатов. В отличие от общественных обсуждений отчета об оценке воздействия на окружающую среду,

экологического доклада по стратегической экологической оценке, проекта программного документа или нормативного правового акта, по результатам общественных обсуждений проектов решений о выдаче разрешения на удаление (пересадку) объектов растительного мира выносятся решения, которые имеют, скорее, императивный характер, так как необходимо получить согласие на такое удаление со стороны заинтересованной общественности. Такое согласие является одним из обязательных оснований для выдачи разрешения на удаление (пересадку) объектов растительного мира [19, с. 105–106].

Результаты общественных обсуждений в сфере охраны окружающей среды не могут быть проигнорированы. Проектные решения планируемой хозяйственной и иной деятельности могут дорабатываться с учетом замечаний и предложений, полученных от заинтересованной общественности. Кроме того, предполагается, что на такие замечания и предложения будут получены аргументированные ответы. Следовательно, рассматриваемые специальные правовые формы общественного участия представляются более действенными по сравнению с ОЭЭ, результаты которой по общему правилу носят для заинтересованных лиц рекомендательный характер [19, с. 106].

Заключение ОЭЭ направляется ее инициаторам, заказчику, организациям, которые проводят государственную экологическую экспертизу (ГЭЭ), местным исполнительным и распорядительным органам. Его копии направляются иным заинтересованным лицам. Исходя из контекста законодательства, заказчик обязан принять такое заключение к рассмотрению. Более того, он готовит аргументированные ответы по имеющимся замечаниям, но может учесть или не учесть выводы такой экспертизы при доработке проектной документации. Заключение прилагается к проектной документации, представляемой на ГЭЭ. В свою очередь, при проведении ГЭЭ учитываются выводы заключения ОЭЭ (при его наличии), касающиеся только такого аспекта, как воздействие на окружающую среду. Однако не совсем понятно, в чем выражается учет этих выводов [20, с. 85].

В первоначальном тексте Закона «Об охране окружающей среды» содержалась наиболее приемлемая формулировка об учете заключения ОЭЭ органами, осуществляющими ГЭЭ. Видится обоснованным учет такого заключения в полном объеме и придание ему императивного характера, так как ОЭЭ проводится квалифицированными специалистами, в отличие от общественных обсуждений, результаты которых учитываются, несмотря на то, что их участники могут и не обладать специальными знаниями. Новация будет способствовать увеличению степени объективности заключения ГЭЭ, стимулировать инициативу заинтересованной общественности. Целесообразно также определить значение заключения ОЭЭ для

местных исполнительных и распорядительных органов [20, с. 85].

Повышение эффективности ЭСХД может потребовать более активного участия общественности на этапе непосредственного осуществления хозяйственной и иной деятельности, что во многом связано с необходимостью расширить права и обязанности общественных экологов и общественных инспекторов, правовые статусы которых обладают определенной спецификой. Сравнение ряда правовых аспектов деятельности рассматриваемых лиц, а также ретроспективный анализ законодательства позволяют выделить подходы к правовому положению такого рода субъектов (от видения их правового статуса схожим с правовым положением граждан, общественных объединений, осуществляющих деятельность в об-

ласти охраны окружающей среды (общественный эколог) до наделения правами, которые имеют должностные лица государственных органов, осуществляющих контрольную деятельность (общественный инспектор)). Возможность общественности эффективно участвовать в природоохранной деятельности, в том числе влиять на соблюдение экологического законодательства, может рассматриваться в качестве критерия для определения приоритетности одного из подходов. Права и обязанности общественных инспекторов в рамках сферы их деятельности имеют более действенный характер по сравнению с правами и обязанностями общественных экологов, что также следует учитывать при совершенствовании законодательства в контексте сближения правовых статусов данных субъектов [21, с. 49].

Правовое регулирование возмещения вреда, причиненного окружающей среде

Система экологического правопорядка строится на соблюдении принципа привлечения к ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. При этом головной природоохранный нормативный правовой акт содержит также общеизвестное правило, гласящее, что привлечение лиц к ответственности за нарушение законодательства об охране окружающей среды не освобождает их от возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и проведения мероприятий по ее охране. Такое установление позволяет нам вести речь об особом порядке возмещения вреда, причиненного окружающей среде, отличном от порядка, который определен гражданским законодательством. Ученые обращают внимание, что и в российском законодательстве отраслевая принадлежность данного вида ответственности не установлена [22, с. 69–70]. При этом в научной литературе отмечается, что «гражданское законодательство к рассматриваемым отношениям может применяться субсидиарно – при отсутствии специальных эколого-правовых норм, что следует из ч. 5 п. 1 ст. 1 Гражданского Кодекса Республики Беларусь, в силу которой земельные отношения, отношения по использованию других природных ресурсов и охране окружающей среды регулируются гражданским законодательством, если законодательством об охране и использовании земель и другим специальным законодательством не предусмотрено иное» [23, с. 72]. В то же время Закон «Об охране окружающей среды» содержит ссылку на гражданское законодательство только в части возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью и имуществу физических лиц, имуществу юридических лиц и имуществу, находящемуся в собственности государства, в результате воздействия на окружающую среду. Не стоит также забывать, что

возмещение в установленном порядке вреда, причиненного окружающей среде, отнесено ст. 40 Закона «Об охране окружающей среды» к элементам экономического механизма охраны окружающей среды. В качестве единого самостоятельного принципа регулирования природоохранных отношений в ст. 4 вышеназванного нормативного правового акта закрепляется также «платность специального природопользования и возмещение вреда, причиненного окружающей среде». Таким образом, мы видим, во-первых, разделение принципа привлечения к ответственности и принципа возмещения вреда, причиненного окружающей среде, во-вторых, объединение обязанности субъекта, осуществляющего правомерную деятельность, платить за природопользование и возмещать вред, причиненный в результате нарушения субъектом правовых норм. В то же время ст. 45 Закона «Об охране окружающей среды» содержит общее правило, в соответствии с которым «внесение платежей за специальное природопользование не освобождает природопользователя от проведения мероприятий по охране окружающей среды и возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате незаконного использования (изъятия, добычи) природных ресурсов, иного вредного воздействия на окружающую среду». Интересен тот факт, что из аналогичного закона Российской Федерации данное правило было исключено еще в 2015 г., что трактуется российскими учеными как «кардинальное реформирование института возмещения вреда окружающей среде» [24, с. 91].

Анализируя правовую дефиницию «вред, причиненный окружающей среде», мы обращаем внимание на ее изменение, выразившееся в сужении круга норм, при нарушении которых можно констатировать наличие такого вреда. Закон «Об охране окружающей среды» в редакции от 17 июля 2023 г.

содержит признаки исследуемого понятия: возможность исчисления в денежном выражении, отрицательное изменение окружающей среды или отдельных компонентов природной среды, природных или природно-антропогенных объектов в определенной форме (загрязнение, истощение и др.), корреляция вредного воздействия на окружающую среду с ее отрицательными изменениями; установление связи такого вредного воздействия с нарушением законодательства об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов. Таким образом, в новой редакции закона появилось указание на отраслевую принадлежность норм, которые нарушены. Ранее речь шла о требованиях не только в области охраны окружающей среды, но и ином нарушении законодательства. В современной трактовке при отрицательном изменении окружающей среды (например, загрязнении земель химическими веществами), возникшем при нарушении законодательства в области перевозки опасных грузов, промышленной безопасности и другого законодательства, вреда, причиненного окружающей среде, не будет [25, с. 124]. Аналогичное соотношение прослеживается и в понятии «причинение вреда окружающей среде», закрепленном в Законе «Об охране окружающей среды». В свою очередь, в литературе отмечается, что содержание некоторых незаконных действий, подтверждающих причинение вреда окружающей среде, также неоправданно сужается, например, когда в качестве критерия причинения

вреда называется незаконная рубка, что создает предпосылки для ухода правонарушителей от ответственности [23, с. 74].

Новеллой белорусского законодательства является закрепленная возможность освобождения от возмещения вреда, причиненного окружающей среде (полного или частичного) по решению Президента Республики Беларусь, что, на наш взгляд, потребует в дальнейшем детальной разработки соответствующего механизма правового регулирования рассматриваемых общественных отношений. Впервые в ст. 40 редакции Закона «Об охране окружающей среды» от 17 июля 2023 г. также фигурируют нормы, закрепляющие в качестве элементов экономического механизма охраны окружающей среды «компенсационные выплаты стоимости удаляемых объектов растительного мира, компенсационные выплаты за вредное воздействие на объекты животного мира и (или) среду их обитания, возмещение потерь сельскохозяйственного и лесохозяйственного производства». Такой подход можно рассматривать как начальный этап регулирования возмещения вреда, причиненного окружающей среде в результате правомерной деятельности. Таким образом, анализ законодательства говорит о происходящих в Республике Беларусь существенных изменениях в правовом регулировании исследуемых общественных отношений и необходимости продолжения данного процесса для дальнейшего укрепления экологического правопорядка.

Заключение

Современное состояние правового обеспечения экологических отношений показывает, что фундамент существующего экологического правопорядка составляет соотношение императивности и диспозитивности в правовом регулировании отношений в области окружающей среды.

Главным критерием эффективности обеспечения экологического правопорядка, а следовательно, действия всего правового механизма охраны окружающей среды и одновременно его ценностным ориентиром является обеспечение права человека на благоприятную окружающую среду на основе принципа «обеспеченное право равноценно оптимальному действию правового механизма охраны окружающей среды».

Институциональную основу формирования современного экологического правопорядка составляет

правовой механизм охраны окружающей среды, систематизирующий характер и способы воздействия права на общественные экологические отношения.

Системность экологического правопорядка базируется также на признании самостоятельности правового режима природных территорий, подлежащих особой и специальной охране в рамках НЭС, объединении правовой охраны окружающей среды и охраны компонентов природной среды в процессе хозяйственной и иной деятельности вокруг концепта «экологическое сопровождение хозяйственной и иной деятельности», возложении ответственности при невыполнении обязательных к исполнению эколого-правовых предписаний, включая возмещение вреда, причиненного окружающей среде.

Библиографические ссылки

1. Свинин ЕВ. Правопорядок как воплощение идей законности и необходимости. *Журнал российского права*. 2017;9:29–33.
2. Мухлынина ММ. Экологический правопорядок: теоретические основы. *Правовая политика и правовая жизнь*. 2022;3:154–160. DOI: 10.24412/1608-8794-2022-3-154-160.
3. Есетова СК, Имангазиев ТА. Экологический правопорядок в теории права: к постановке проблемы. *Образование и право*. 2022;10:377–382. DOI:10.24412/2076-1503-2022-10-377-382.

4. Власова ЮВ. Экологический правовой порядок: понятие и способы защиты. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019;3:176–179. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-10684.
5. Макарова ТИ, Балашенко СА, Лизгаро ВЕ, Мороз ОВ. *Правовые механизмы охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности*. Макарова ТИ, редактор. Минск: БГУ; 2016. 191 с.
6. Казанцев НД. *Правовая охрана природы в СССР*. Москва: Знание; 1967. 62 с.
7. Петров ВВ. *Экологическое право России*. Москва: БЕК; 1995. 557 с.
8. Краснослободцева НК. Диспозитивность как инструмент закрепления свободы личности в законодательстве. *Юридическая наука*. 2011;2:7–11.
9. Макарова ТИ, редактор. *Проблемы эффективности аграрного и экологического права в условиях интеграционных процессов*. Минск: БГУ; 2021. 515 с.
10. Жлоба АА. Особенности ответственности за нарушение правового режима национальной экологической сети. В: Макарова ТИ, редактор. *Проблемы систематизации комплексных отраслей законодательства*. Минск: БГУ; 2023. с. 96–100.
11. Лизгаро ВЕ. Природоохранные территории Республики Беларусь: правовое понятие и режим. В: Анисимов АП, редактор. *Современные проблемы теории экологического права*. Москва: Юрлитинформ; 2019. с. 472–487.
12. Жлоба АА. Правовая модель национальной экологической сети в Республике Беларусь. *Аграрное и земельное право*. 2023;2:36–38.
13. Жлоба АА. Национальная экологическая сеть как объект правового регулирования. *Аграрное и земельное право*. 2023;3:40–42.
14. Жлоба АА. Организационно-правовые проблемы формирования национальной экологической сети в Республике Беларусь. *Журнал Белорусского государственного университета. Право*. 2023;3:82–88. EDN: OILTVE.
15. Жлоба АА. Управление национальной экологической сетью: правовые аспекты. *Аграрное и земельное право*. 2024;2:111–114.
16. Жлоба АА. Правовое обеспечение некоторых функций управления национальной экологической сетью в Республике Беларусь. *Право и государство: теория и практика*. 2024;3:121–123.
17. Жлоба АА. Правовая ответственность за нарушение режима национальной экологической сети. В: Карпович НА, редактор. *Право в современном белорусском обществе. Выпуск 18*. Минск: Колорград; 2023. с. 646–655.
18. Мороз ОВ. Правовые аспекты участия общественности в экологическом сопровождении хозяйственной и иной деятельности. *Труд. Профсоюзы. Общество*. 2022;4:65–72.
19. Мороз ОВ. Правовые формы общественных обсуждений в области охраны окружающей среды. *Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины*. 2019;5:102–107.
20. Мороз ОВ. Правовые аспекты организации общественной экологической экспертизы. *Право.by*. 2019;5:82–87.
21. Мороз ОВ. Правовое положение общественных экологов и общественных инспекторов охраны животного и растительного мира. *Вестник ГрГУ имени Янки Купалы. Серия 4, Правоведение*. 2022;12(3):45–52.
22. Бринчук ММ. Экологическое право в свете общей теории права. *Государство и право*. 2025;2:68–81.
23. Балашенко СА, Шахрай ИС. Некоторые правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде. *Судовы веснік*. 2022;4:71–76.
24. Игнатъева ИА. Развитие правового регулирования возмещения вреда окружающей среде как упрощение природоохранной концепции. *Труды Института государства и права РАН*. 2022;17(3):83–114.
25. Лизгаро ВЕ. Новое в правовом регулировании возмещения вреда, причиненного окружающей среде. В: Шимкович МН, редактор. *Шестые цивилистические чтения памяти профессора М. Г. Прониной; 13 марта 2024 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь; 2024. с. 123–125.

Статья поступила в редколлегию 10.07.2025.
Received by editorial board 10.07.2025.

Авторы:

Тамара Ивановна Макарова – доктор юридических наук, профессор; заведующий кафедрой экологического и аграрного права юридического факультета.

Альберт Анатольевич Жлоба – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Виктория Евгеньевна Лизгаро – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Олег Васильевич Мороз – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры экологического и аграрного права юридического факультета.

Authors:

Tamara I. Makarova, doctor of science (law), full professor; head of the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

makti@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-0842-900X>

Albert A. Zhloba, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

albert.zhloba@gmail.com

Victoria E. Lizgaro, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

lizgaro@mail.ru

Oleg V. Moroz, PhD (law), docent; associate professor at the department of environmental and agrarian law, faculty of law.

moroz_ov@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8201-2600>